

Михаил Садовяну

ЧУДЕСНАЯ ДУБРАВА

Д

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Михаил Садовяну

ЧУДЕСНАЯ
ДУБРАВА

СКАЗКИ

Перевод с румынского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1966

Оцифровка
dominas
2018

Эта книга познакомит вас, ребята, с творчеством крупнейшего румынского писателя Михаила Садовяну. Вы прочитаете его увлекательные истории и сказки о волшебном ослике Яноше, о щегле, который принёс в клюве солнце, о заколдованной дубраве, о храбром витязе Мэзэряне и многом другом, грустном и весёлом.

Проникновенно, с любовью рисует писатель крестьянских детей, простых людей Румынии — земледельцев и воинов, охотников и рыболовов. Народ — любимый герой писателя.

*Обложка Г. Бариновой
Рисунки Н. Петровой*

ЧУДЕСНАЯ ДУБРАВА

I

Выясняется, что Лизука скверная девчонка

Госпожа Мия Васи́лиа́н с юной непосредственностью сообщает своим новым знакомым несколько сведений о себе.

Двадцать три года назад, когда аист принёс её к родителям, они — представьте себе! — нарекли её Марией.

Гости госпожи Мии, супруги двух чиновников, недавно переведённых в наш город, с интересом слушали её. Правда, возраст хозяйки вызывал некоторые сомнения. А имя..., что ж, оно казалось вполне приемлемым.

Довольно красивое имя, не правда ли? Но, оказывается, едва пролепетав первые слова, малышка сама

изменила своё имя. Выпячивая губки, немного нараспев она заявляла:

— Меня зовут Мией.

Мией она и осталась.

Ещё тогда кто-то заметил, что это свидетельствует о музыкальном чутье девочки.

Впрочем, к чему ложная скромность. Госпожа Мия и вправду блестящая музыкантша! А голос у неё обворожительный, это все признают!

Она даже училась четыре года в консерватории. Знаменитая Теодорíни души в ней не чаяла и сулила ей блестящую карьеру. В семье поговаривали о поездке в Милан.

Родители госпожи Василиан были богаты, они владели крупным поместьем в Бузэ́уском крае, около Леонте́шт. Экипажи, лакеи в ливреях, гувернантки... Вот в каком мире родилась и выросла Мия Василиан!

Боярин Анаста́се, отец Мии, часто сажал её на колени и показывал портреты предков в позолоченных овальных рамах.

Правда, всё это великолепие давно минуло, но одно, по крайней мере, ей осталось: благородное воспитание.

В прежние времена брак её с Василианом был бы просто немыслим — ведь она урождённая Папазо́глу! Пришлось, однако, принять во внимание целый ряд обстоятельств — политические интриги, неудачные спекуляции — и смириться. Впрочем, про Василиана тоже не скажешь, что он из плохой семьи. Ведь верно? Напротив, он потомок настоящих молдавских бояр. Однако всякий согласится, что Папазо́глу звучит совсем иначе. Да, Папазо́глу — знаменитая фамилия.

Но, в конце концов, важно одно: ей хорошо, она счастлива. Жорж исполняет все её капризы... А иначе

и быть не может: он на пятнадцать лет старше её и был уже однажды женат.

От первого брака у него ребёнок, девочка. Увы, девочка неважно воспитана, и потому из-за неё у госпожи Мии постоянные... как бы это лучше сказать?.. постоянные трения с супругом.

Как это омрачает жизнь, не правда ли? Ведь Василиан женился на ней по любви. Когда она вначале не соглашалась, бедный Жорж занемог от огорчения. Пришлось уступить; зато на свадьбе она была в таком прекрасном, изысканном туалете, что все подружки прямо помирали от зависти.

— Я несколько прихотлива,— заключила с милой улыбкой госпожа Мия Василиан.— И вкусы у меня не совсем обыкновенные. Больше всего в жизни я ценю элегантность и тонкость в обращении... Не понимаю, почему не несут кофе?! — воскликнула она, вскакивая с кресла.

— Да что вы, мадам Василиан, не беспокойтесь,— убеждала её старшая гостя.— Сейчас принесут. Я пока закурю папиросу.

Дробно стуча каблучками, мадам Василиан подошла к звонку и долго нажимала кнопку, хмуря подведённые брови. А госпожа Эмилия, обменявшись быстрым и многозначительным взглядом со своей дочерью, мадам Нейку, открыла сумку и принялась искать в ней серебряную табакерку, в которой хранила табак второго сорта.

Госпожа Мия Василиан, жена известного в нашем городе адвоката, заметила этот взгляд и усмехнулась. «Странно,— подумала она,— что у такой высокой и полной дамы такая тощая, сухопарая дочь! Впрочем, обе они некрасивы и безвкусно одеты. Одни шляпки чего стоят!.. Как могут приличные дамы носить такие шляпки?»

Поправляя белый передник, вошла служанка — юркая девчонка с заострённым книзу личиком, как у белочки:

— Изволили звонить, сударыня?

— Ma chère¹, — мягко ответила госпожа Мия Василиан, — дождётся ли мы сегодня кофе?..

— Сю минуту, сударыня!.. — И служанка исчезла.

Госпожа Мия Василиан шагнула к открытому окну.

— Хороший день, — заговорила она, — хотя, кажется, чересчур тёплый. Сейчас нам подадут апельсиновый шербет. Девочка она сообразительная, знает мои вкусы. С прислугой, милая госпожа Эмилия, тоже надо уметь обращаться.

— В нынешнее время и слуги не те... — заметила госпожа Эмилия.

Госпожа Василиан ответила с улыбкой:

— Своими я очень довольна. Они боятся лишь одного: чтобы я их не уволила.

Мадам Нейку сжала тонкие губы; ей хотелось возразить, но она сдержалась и промолчала.

— И всё-таки я тоже частенько меняю прислугу, — простодушно посетовала госпожа Василиан. — Приходится, ничего не поделаешь! Плохо воспитанных я вообще не выношу... Но мои горести, милые дамы, совсем иного порядка. Правда, особенно жаловаться не приходится, но всё-таки... Дело в том, что на окраине нашего жалкого городишка живут смешные старички, родители моей «предшественницы». Так вот дня не проходит, чтобы они не просили у Жоржа: «Отпусти к нам девочку». Им, видите ли, хочется повидать Лизуку, жить они без неё не могут! А между тем толь-

¹ Моя милая (франц.).

ко из-за них девочка не получила приличного воспитания. От них она переняла такие гримасы и мужицкие повадки, что меня, поверите ли, в дрожь бросает. Представьте, на неё нельзя даже надеть кружевного воротничка, убрать лентой волосы... Мыслимо ли это, чтобы девочка в её возрасте — шесть лет! — не умела сделать реверанс? Нет, нас не так воспитывали. Меня подобные вещи просто ужасают.

Служанка с беличьей мордочкой снова показалась в дверях. В руках она держала поднос с шербетом и чашечками кофе.

— Сударыня,— проговорила она,— господин лейтенант Микуш Лázэр спрашивает, изволите ли вы его принять.

— Ну конечно, проси! Сегодня мой приёмный день, а господин лейтенант всегда желанный гость! — ответила госпожа Василиан, несколько повышая при этом голос.

Шурша платьем, она порывисто шагнула к двери и, увидев зелёный мундир, прилизанные белобрысые волосы, бритые и слегка припудренные щёки офицера, жестом пригласила его войти и мило улыбнулась.

— Господин Микуш, я не видела вас целую вечность! — пропела она с милой улыбкой.

Полный восхищения, молодой человек замер и склонил немного голову набок, как будто прислушиваясь к музыке её голоса.

— Сударыня,— церемонно промолвил он,— я счастлив, что вы не забыли о моём существовании.

Щёлкнув каблуками, согнувшись в почтительном поклоне, он бережно взял протянутую ручку госпожи Василиан и поцеловал кончики пальцев. Служанка, поставив на столик перед гостями поднос, обернулась и с восхищением взглянула на офицера. Госпожа Эмилия и мадам Нейку держали ложечки наготове,

явно не зная, как быть с шербетом: то ли начать есть, то ли подождать. Наконец, решившись, отведали. Но не успели они запить шербет полагающимся количеством воды, как перед ними предстал элегантный и торжественный господин Микуш.

Последовал обычный обмен любезностями, учтивыми поклонами, улыбками. В красной гостиной воцарился дух благородной отрешённости и светского веселья. Никто поэтому не заметил, как между стульями к подносу с шербетом пробралась Лизука.

Она была девочка невысокая, но крепкая и плотная. Синее парусиновое платьице сидело на ней кое-как, ботиночки были покрыты пылью, шнурки развязались, сползшие чулки обнажали загорелые ножки и не совсем чистые коленки. Волосы были коротко, по-мальчишески, острижены, и на круглой её головёнке виднелось несколько шишек. Ротик был великоват, щёки чересчур красны, так что Лизуку едва ли можно было назвать нежной и красивой. Только в карих глазах сияли из-под чёрных ресниц маленькие светлячки.

Благородное общество ничуть не смутило Лизуку. Недолго думая она решительно шагнула к столу, запустила два пальца в вазу и достала расплзающийся ком шербета. В ту минуту, когда она, стараясь не уронить ни капли, усердно ловила губами шербет, заметившая её служанка испустила громкий вопль.

— В чём дело, та chère? — удивлённо обернулась к ней госпожа Василиан.

Но когда она увидела, в чём дело, когда поняла, какое кощунственное нарушение приличий совершилось в её красной гостиной, кровь кинулась ей в голову, а глаза засверкали.

— Как это понимать, Елена? — драматически понизив голос, строго спросила она служанку. — Сколько раз я просила тебя следить за ней! Ты что, остол-

бенела? Немедленно убери её!.. Если девчонка не уйдёт отсюда сию же минуту, мне станет дурно! Ах, это ужасно! — с отчаянием обратилась она к гостям. — Напрасны все мои старания, всё напрасно! Просто не знаю, что мне делать с этим ребёнком! Полюбуйтесь только, с какими повадками она вернулась от стариков! Сколько раз твердила я Жоржу, что это не ребёнок, а позор! Жорж, конечно, перестал посылать её к старикам. Такое решение я могу только приветствовать!

Гости понимающе кивали головой и вздыхали. Только господин Микуш недоумевал, возможно, он предпочёл бы рассмеяться. И ему было жаль, что лицо госпожи Василиан омрачилось.

Однако хозяйка дома была чуткой и проницательной женщиной. Увидев, что Ильяна коршуном налетела на девочку, схватила её за руку и тащит в тёмную прихожую, она тут же успокоилась и обратилась к господину Микушу с той самой пленительной улыбкой, какую при всём желании не могла бы изобразить ни одна дама нашего города.

— Господин Микуш, — проворковала она, — после такого интермеццо вам придётся подождать немного, пока я принесу малиновое варенье, которое сама вчера варила...

— ...вот этой самой ручкой, — подхватил офицер, кланяясь и целуя розовые ноготки госпожи Василиан.

Казалось, этот грациозный жест был условным знаком. Госпожа Эмилия и мадам Нейку переглянулись и встали. Разочарованные возгласы, возражения, объяснения длились недолго. Обе женщины вышли, и в гостиной на некоторое время воцарилась тишина; потом снова раздался мелодичный, залиvistозвонкий смех, свидетельствующий о том, что любая горечь в этом мире довольно быстро забывается.

Лизука замышляет смелый побег

— Поди-ка сюда, чёртова козявка!—сердито про-бормотала служанка, дёргая Лизуку за руку.— Скажи, долго ли ещё меня будут из-за тебя ругать?

Девочка захныкала тоненьким голоском, упираясь изо всех сил.

— Оставь меня,пусти! Я папе пожалуюсь!

— Ах, пожалуешься?—Служанка толкнула её, слегка поддав при этом коленом.— Когда-то он ещё вернётся, твой папа! До тех пор мы с тебя успеем шкуру спустить...

Лизука скорчила рожицу, из-под нахмуренных бровей блеснул ненавидящий взгляд.

— Ах, ты вот как на меня глядишь?! — крикнула служанка.— Воровские твои глаза! Верно говорит госпожа Мия: подлое ты отродье!

Схватив опять девочку за подол платица, она преподнесла ей так называемую «грушу»: согнув большой палец, больно впилась ногтём в макушку. Заметив, что Лизука изо всех сил старается не зареветь, она преподнесла ей вторую «грушу», ещё покрепче первой. Девочка дрожала всем телом и чуть слышно всхлипывала.

— А вот тебе и проценты,— сказала служанка со смехом и шлёпнула девочку по стриженной голове.— Теперь катись! Глаза бы мои на тебя не глядели!

Лизука споткнулась и ударилась головой о стену. Шмыгнув носом, она проглотила слёзы и снова поразбойничьи косо взглянула на служанку.

Но Иляна была уже на кухне и писклявым голосом что-то строго втолковывала кухарке. Теперь Лизука могла осушить слёзы, что она и сделала, воспользовавшись той же частью рукава, которой утира-

ла нос. Заметив своего приятеля Патрокла, она улыбнулась.

Патрокл был рыжей таксой с короткими кривыми ножками, большой головой и умными, словно чело-вечьими, глазами. Годы и превратности жизни посеребрили волосы на его мордочке, под чёрными бровями залегли глубокие складки.

Увидев девочку, он тотчас подошёл и начал лизать её испачканную апельсиновым шербетом руку.

— И вчера меня били,— вздохнула Лизука,— и сегодня. Каждый день бьют...

Патрокл, как всегда, всё понял. Он встал на задние лапы и, слегка касаясь передними Лизукиной груди, ласково вытер языком следы солёных слёз на её щеках.

— Патрокл,— сказала Лизука,— отец всё не едет из Бухареста, и дедушку с бабушкой я давно не ви-дела. Не пускают нас к ним. Худо нам приходится с тех пор, как умерла мама.

Патрокл тихо взвизгнул, глядя на неё своими кра-сивыми глазами в золотых обводах.

— Правда,— ответил он,— худо нам живётся!

— Тсс! Слышишь? — снова проговорила Лизука, поднимая палец.— Маменька смеётся. Маменька все-гда смеётся. Наша мама смеялась не так...

Некоторое время девочка внимательно прислуши-валась, потом погрузилась в раздумье.

Между тем госпожа Эмилия и мадам Нейку вы-шли из дому и направились к калитке. Проходя ми-мо, старшая опустила руку на голову ребёнка.

— Что с тобой, деточка? — спросила она.— Ты плакала?

Лизука, окинув косым, недружелюбным взглядом обеих женщин, оттолкнула ласкавшую её руку и, не говоря ни слова, отошла со своим другом в сторону.

— Скверный ребёнок! — заявила госпожа Эмилия, обращаясь к мадам Нейку.

Они молча переглянулись и медленно вышли на пустынную улицу, опалённую лучами летнего солнца.

А девочка стояла в задумчивости перед домом со спущенными шторами, слегка сдвинув брови и недвижно глядя в одну точку. Рядом тянулись скудные рядки блёклых, увядших цветов. С разноцветных стеклянных шаров на палках глядели кривые изображения девочки с собакой.

Но Лизука недолго раздумывала.

— Патрокл, — объявила она, поднимая указательный палец к своему крохотному носику, — я здесь больше жить не буду. Ухожу к бабушке с бабушкой.

Собачка пристально смотрела на неё.

Девочка осторожно пробралась к заднему крыльцу, через которое вывела её служанка, достала из своего тайника пальтишко и красный шерстяной берет. Нагнувшись, она натянула сползшие чулки и опять задумалась.

Сидя на задних лапках, вислоухий Патрокл пристально следил за каждым её движением. Потом, благоразумно следуя примеру хозяйки, неслышно пробрался на кухню и вскоре появился снова, деликатно, за краешек, держа в зубах большой ломоть белого хлеба. С крыльца раздался хриплый голос:

— Пошёл вон, чёртов пёс! Нет на тебя погибели, тварь проклятая!

Вдгонку, подпрыгивая, с грохотом полетело полено. Патрокл оглянулся и, сообразив, что погони не будет, понёс хлеб своей спутнице.

— Патрокл, почему ты держишь хлеб во рту? — спросила смеясь Лизука.

«Потому что карманов у меня нет», — весело ответил взглядом Патрокл.

— Тогда дай я спрячу его у себя,— решила Лизука.— Он нам пригодится.— И, получив от Патрокла хлеб, она заботливо положила его в один из карманов красного пальтишка.— Пойдём искать по белу свету дедушку и бабушку. Теперь нам не хватает только одного — вот найдём и тогда сбежим!

Лизука знала все закоулки дома. Она быстро нашла столь необходимую ей в пути золу, наполнила ею второй кармашек пальтишка и вернулась к калитке.

— Отруби и мука не годятся,— объяснила она.— Есть одна сказка, как дети в лесу заблудились, мне бабушка её рассказывала. Они сыпали по дороге отруби и муку, а зайцы и лисицы всё слизали. Чтобы найти дорогу обратно, нужно сыпать золу. Идём, Патрокл!

— Идём,— ответил пёс.

Оба вышли за калитку и пустились в долгий, полный приключений путь.

III

Разговор с подсолнечником

День клонился к вечеру, но зной не спадал. Волны тёплого воздуха струились над сонными домами, словно блики таинственной водной глади. Пустынная, уединённая улочка поднималась в гору, к сияющему закату. Нежно и печально зазвонили колокола церквей. Девочка постояла немного, прислушиваясь.

— Они и тогда так звонили...— задумчиво прошептала она.

Неторопливо шагая по тропинке, вьющейся вдоль обочины дороги, друзья поднялись на вершину холма, где стояли тополя. Там Лизука остановилась. Зола вся вышла.

— Что же нам теперь делать, Патрокл? — спросила Лизука пса.

Патрокл потряс большими ушами и внимательно глянул на неё:

— Не знаю, хозяйюшка.

Тополя протяжно зашелестели листвою. Лизука сказала:

— Отсюда мы должны повернуть налево. Видишь, тополь повернул туда свои ветви. Пойдём садами, потом через Бучуменскую дубраву и сразу же отыщем домик бабушки и дедушки. Там уже недалеко. Раз зола кончилась, значит, домой мы никогда уже не вернёмся. Нас никто не будет больше бить: бабушка заплачет и обрадуется, что мы пришли. У тебя ноги не болят, Патрокл?

— Нет.

— И у меня не болят. Пойдём. Видишь, Патрокл, какая тут узкая дорога? А всё же здесь гораздо красивее, чем в городе! Слева и справа качаются высокие стебли кукурузы. Звенят как сабли! Но я их не боюсь. Они указывают нам путь и защитят от злых зверей. Видишь, Патрокл, у них свой царь — вон тот красивый цветок. Бабушка говорит, что его зовут солнечником. Давай постоим около него. Здравствуй, милый солнечник, как поживаешь?

Ветер качнул цветок, и он тихо склонил к девочке свой золотой венец.

— Рада видеть тебя высоким и красивым, — продолжала Лизука. — А мы идём к бабушке и дедушке.

— Очень хорошо, — кивнул подсолнух.

— А то дома житья не стало... Папа так кричал на дедушку с бабушкой. Даже ногой топнул. А потом не стал пускать меня к ним. Когда папа был дома, маменька всё время с ним ссорилась. Она кричала, чтобы он продал сады и лес. А папа говорил, что они

Ветер качнул цветок, и он тихо склонил к девочке свой золотой венец.

мои, достались мне от мамы. Тогда маменька застучала ногами, вытаращила глаза и грохнулась на стул, а папа подбежал и стал брызгать на неё водой. Потом он уехал, а маменька меня каждый день била. Но я не плакала. Я забиралась к Патроклу в его конуру и думала о маме — ведь она ушла и больше не вернулась. Моя мама умерла, милый солнышко!

Подсолнух печально закивал головой и уронил на девочку два лепестка, похожих на чудесных мотыльков.

— Эта дорожка ведёт к бабушке и дедушке, верно? Идём скорей, Патрокл, а то опоздаем.

В двух шагах от Лизуки пёс потихоньку раскопал муравейник, засунул в него морду и принялся. Потом, фыркнув, затряс головой и, словно ужаленный, отскочил в сторону.

Лизука рассмеялась:

— Вот видишь, Патрокл, не надо их тревожить, они кусаются. погоди, я сниму с твоего носа муравья и посажу в траву. Не знаешь разве, что царица муравьёв тоже здесь живёт? Если мы поможем ей в беде, она подарит нам волшебную соломинку и, когда потребуется, прибежит к нам на помощь со всеми своими муравьями. Так! Вот и соломинка. Пойдём. Прощай, милый солнышко!

IV

Появляется Святая Среда¹

Они шли мимо садов, окутанных тёплым ароматом чебреца и мёда. По обеим сторонам просёлка тянулись плетни, увитые колючками. Древние ивы плава-

¹ Святая Среда — добрая фея в румынских сказках.

но шевелили серебристыми кудрями. Лизука знала, что это не простые ивы, а люди и животные, давным-давно обращённые волшебной силой в деревья с причудливыми кронами. Она робко глядела на них, слушая, как они вздыхают и шепчутся.

Потом друзья ненадолго задержались перед мирным сборищем красных букашек с чёрными крапинками на спинках.

— Патрокл, это божьи коровки,— сказала девочка.

— Знаю, но надо спешить, а то сейчас зайдёт солнце,— ответил он.

— Идём, идём, Патрокл, не сердись! Вот на том косогоре видна дубрава. Сейчас дойдём.

Вокруг было тихо и безлюдно. Сквозь ивовые ветви струился ласковый свет. Казалось, друзья вступили в сказочное царство: ни лая собак, ни птичьего гомона. Высокое небо клонилось к дубраве и текло, словно синяя река. По волнам этой реки, недвижно распластав крылья, плыл царственный орел.

У поворота дороги, словно из-под земли, выросла невысокая хмурая старушка с маленькими глазками и крючковатым носом. Она медленно двинулась навстречу двум путникам, опираясь на белый посошок. Патрокл наострил было уши и заворчал, но всё же благоразумно остался рядом с Лизукой.

В двух шагах от спутников старушка остановилась и, качая головой, прошамкала беззубым ртом с гонкими, ввалившимися губами:

— К бабушке идёшь, правда?

Лизука изумлённо уставилась на неё. Откуда старушка узнала, что они с Патроклом идут к бабушке? Потом догадалась и улыбнулась:

— Ты Святая Среда, верно? — радостно спросила она. — Я тебя ещё ни разу не видела, но сейчас сразу

узнала. Где же твоя собака с железными зубами и стальными клыками?

Святая Среда ответила, улыбаясь:

— Дома я её оставила, стеречь хозяйство.

— Вот как? — сказала Лизука. — А мы её всё равно не боимся, ведь мы добрые люди. До свиданья, Святая Среда, нам пора, а то скоро солнце зайдёт: Патрокл боится, как бы мы не опоздали.

— Иди, дитяtko, — ответила старуха, коснувшись рукой её головы.

Друзья продолжали путь. Святая Среда постояла, поглядела им вслед, словно раздумывая о чём-то. Потом направилась в гору и с трудом пробралась в какой-то сад через лаз в плетне.

Лизука и Патрокл ускорили шаг. Сады остались позади. Вскоре путники очутились на дне ложбины, у деревянного мостика, под которым среди трав, сверкая и журча, бежал между крутыми глинистыми берегами ручей.

Лягушки, сторожившие мостик, попрыгали одна за другой в воду. Лизука остановилась, сердце её часто-часто забилося, но видя, что Патрокл по-прежнему спокоен, она поняла, что никакой опасности нет.

— Я со своим Патроком никого не боюсь, — прошептала девочка и перешла мостик.

На мгновение Лизука увидела в воде сказочную девочку и волшебную собаку, но не очень этому удивилась и вступила в дубраву.

Берёзы, тополя и вязы покрывали склон, их переплетённые ветви недвижно чернели в отсветах закатного пожара, а под своды ветвей откуда-то сверху лился поток розовых струй.

Дятел, сидевший на горбатом стволе старой дикой яблони, поведал безмолвным лужайкам о прибытии путников. Их тут словно ждали: маленькие птички,

качавшиеся на гибких веточках кизила, сначала оглядели Лизуку своими крошечными, словно булабочные головки, глазками, а потом в один голос спросили её, зачем она пожаловала в их царство.

Но Патрокл был тут как тут. Встав на задние лапки, он погрозил им передними и дважды тявкнул.

Переливчато смеясь, птички разлетелись. Но тут на ветке берёзы показался ещё один хозяин здешних мест — дрозд. Весь чёрный, с жёлтым клювом, он изумлённо поглядывал на девочку то правым, то левым глазом и наконец насмешливо окликнул её своим пронзительным голосом:

— Чучело-уродина!

«Ну и задира!» — подумала Лизука.

И мягко спросила:

— Чем я тебе не угодила, отчего ты называешь меня уродиней? Я бедная девочка и иду к дедушке с бабушкой.

Дрозд перепрыгнул на ближнюю ветку, ласково взглянул на девочку и тихо пропел:

— Лизука... Лизука...

Девочка рассмеялась. Патрокл кинулся к берёзе: птица вспорхнула и полетела сквозь золотистую паутину лучей к неведомым тайникам дубравы.

V

Лизука находит в дубраве надёжное пристанище

Как только солнце опустилось на холм, над восточным краем дубравы показалась изгнанная из подземного царства луна.

Лизука никогда не видела так близко луну, никогда она не казалась ей такой большой. Беспокойство закралось в душу. В глубине леса, на западе, словно

угольки под пеплом, ещё мигали закатные блики. Туда, желая ей доброй ночи, неслышно пробирались последние птички. И хотя на востоке алел месяц и свет его разливался над мглистыми полями, лес заполнился пробравшимися из долин и неведомых дебрей таинственными густыми тенями.

Лизука остановилась в нерешительности:

— Что нам делать, Патрокл? Дороги-то больше не видать.

Пёсик дотронулся мордочкой до её руки и дружески взглянул на неё сквозь лёгкую сиреневую мглу. Раз Патрокл рядом, значит, бояться нечего. Лизука хорошо это знала.

— Патрокл,— сказала она,— ты верный и храбрый пёс. Но что ж мы будем делать, если заблудимся в лесу? Хорошо бы вытесать из липы било и повесить его на вершине дерева. Как подует ветер, оно застучит, и бабушка с дедушкой нас отыщут. Но била вытесать нельзя: ножа-то мы из дому не захватили...

— Разумеется,— ответил Патрокл,— без ножа ничего не выйдет.

— Как нам быть? Видишь, на небе свечи зажглись, а тропинки всё равно не видать. Не стоять же нам так до утра. Надо искать место для ночлега.

— Это легче лёгкого,— отвечал Патрокл.

— Ладно, тогда пойдём. Но у кого же мы попросим приюта, если кругом ни души?

Пёс двинулся вперёд, обнюхивая травку. Девочка заметила, что цветы по обеим сторонам тропинки склонили головы и спят. Из темноты замигал светлячок.

— Там должен быть для нас домик,— шепнула Лизука.

Приблизившись к живому огоньку, она увидела, что стоит у дупла старой ракиты. Длинные кудри ветвей, лениво покачиваясь, свисали почти до земли.

— Это очень хороший домик,— пробормотал Патрокл.

— Тётушка-ракита,— робко шепнула Лизука,— не позволишь ли нам войти в твой дом?

Ракита ласково погладила её и пустила в дупло.

— Здесь очень хорошо, Патрокл,— проговорила девочка, укладываясь.— Даже подстилка есть и подушка из мха. Укроюсь пальтишком, натяну берет и усну по-царски. Не бойся, и для тебя места хватит.

Пёс тоже влез в дупло и свернулся около девочки.

Лизука снова тихо сказала:

— Я думаю, Патрокл, что нам нечего бояться бабы-яги. Здесь места чистые... И Святая Среда живёт рядом. А знаешь, кого я боюсь?

— Кого?

— Барсука. Я слышала, барсуки злые.

— Пусть только пожалует! — сердито проворчал Патрокл. — Я на него найду управу!

И тут Лизука вскрикнула. На лучистой лунной дорожке показалась тень, она вприпрыжку направлялась к дуплу. Изредка останавливаясь, тень вытягивалась и шевелила двумя длинными прямыми рогами.

Лизука в ужасе зашептала:

— Вот он, барсук, Патрокл!

Но Патрокл, отрывисто лая, уже кинулся вон из дупла. Чудовище вдруг уронило рога и опрометью бросилось в кусты.

— Я знала, что Патроклу ничего не страшно! — улыбнулась Лизука.

Собачий лай звонко разносился по лесу.

— Патрокл,— крикнула девочка,— не оставляй меня одну!

Высунув голову из дупла, она дожидалась возвращения друга. Кругом было тихо. Наконец она услышала, как он идёт: тип-топ! Патрокл, часто дыша,

забрался в дупло, улёгся рядом с девочкой и недовольно буркнул:

— Это был всего лишь заяц!

— Как он тебя испугался! — восхищённо сказала Лизука и погладила пса.

В дубраве стояла тишина. В таинственном полумраке легко угадывались очертания окружающих предметов. В этой тишине где-то рядом печально затрещал сверчок. Лизука внимательно прислушалась.

— Хорошо поёт! — шепнула она.

— Может, и хорошо, только спать мешает! — проворчал Патрокл.

— А мне почему-то совсем не хочется спать. Тут так хорошо! Я никогда не знала эту дубраву как следует. Теперь вижу, что она такая же, как в тех сказках, что мне мама сказывала... А сверчок уже не поёт. Затих.

— И правильно сделал,— пробормотал Патрокл сквозь сон.

Сверчок умолк. Сидя на тонкой ветке, защёлкал соловей, пробуя голос. Луч луны осветил его.

— А что это такое? — удивлённо спросила девочка.

Патрокл ничего не ответил.

Окутанная светлой дымкой, дубрава снова умолкла. Лизука понимала, что в этот волшебный час должно произойти что-то особенное, и, пристально вглядываясь в темноту, ждала с бьющимся сердцем.

И вдруг замигали, выстроившись в два ряда, зелёные лампадки светлячков. Среди цветов на лужайке девочка увидела тропинку, ведущую к скалистой стене между двумя старыми берёзами. В зелёном мерцании светлячков было видно, как бесшумно сдвинулась и подалась в сторону кремневая дверь, как из тёмной пещеры показалось шествие маленьких человечков,

*...Из тёмной пещеры показалось шествие маленьких
человечков...*

каждый ростом не больше двух вершков. Лица и глаза их озаряла улыбка.

Девочка принялась было их считать.

— Нас не следует считать! — раздался тоненький голосок. — Знай, что нас всегда семеро!

И Лизука перестала считать человечков: она вспомнила, что их семеро. Они тихо приближались к ней по заколдованной лужайке среди лампад светлячков; казалось, они и сами излучали сияние.

Во главе шли старичок со старушкой, румяные, убелённые сединами, в одежде из мха. За ними четверо седых бородачей несли плетёные носилочки, украшенные цветами цикория и жёлтым донником. На этих носилочках восседала на каменном троне принцесса. Ростом она была меньше всех, с волосами цвета пшеницы, с венком из диких маков на голове. Одета она была в длинное платье рубинового цвета.

Сердце Лизуки билось всё громче.

— Я знаю вас! — шепнула она, охваченная несказанной радостью. — Я видела вас у бабушки с бабушкой, в старой книге, которую читала мама, когда была такая, как я.

VI

Выясняется, кто такие гномы

Старички остановились, и бородачи бережно опустили на землю плетёные носилочки. Проворно соскочив с трона, принцесса выступила вперёд. Затем все бесшумно уселись в траву перед дуплом. Принцесса расположилась между старичком и старушкой, четверо седых бородачей — позади. Все сразу подняли головы и пристально взглянули на девочку. Глаза их сияли, словно самоцветные камешки.

Первой заговорила принцесса. Голосок у неё был тонкий, как у птицы:

— Лизука, правда, ты любишь сказки?

— Да! — ответила девочка, согретая приятным теплом. — Мама говорила, что без сказок жизнь человека горестна и пуста...

— Мы знали, что ты придёшь к нам, — продолжала принцесса. — Караульный-суслик первый увидел вас на опушке, и, когда ракита приютила тебя в своём домике, он спустился в наши пещеры и дал нам знать. Мы часто выходим ночью и веселимся со зверюшками, которые сторонятся людей. Я очень рада, что ты пришла этой ночью. Я послала зайца поведать всем, что мы покажемся, как только засияет месяц. Эта дубрава ночью превращается в заколдованное царство, но обыкновенные люди не могут его увидеть.

Подняв тонкими пальчиками белый прутик толщиной с вязальную спицу, принцесса строго махнула им в сторону речки, и вместо деревянного мостика Лизука внезапно увидела изогнутый над чёрными берегами ручья серебряный мост с узорчатыми перилами. Тихой песней донеслось до ракиты журчание воды.

Принцесса подала другой знак, и свет луны дождиком заструился на лужайку. На лесных дорожках среди трав и цветов показались обитатели дубравы. Это были крупные зайцы, шевелившие усами и ушами, и красные крысы с хитрыми глазами, и суслики, махавшие лапками. А барсук грузно перешёл серебряный мост; чинно ступая по тропке, он приблизился к месту собрания, поднялся на задние лапки, поклонился и принялся плясать, словно медвежонок. Лизука дивилась, как может плясать и веселиться такой неповоротливый угрюмый зверь. Над кустами шелестели пушистыми крыльями незнакомые птицы. По освещённому лесу носились чёрные жуки, боль-

шие рогахи и ночные бабочки. Опять защёлкал невидимый соловей.

— Вот так мы и развлекаемся,— заговорила опять принцесса.— А люди спят и ничего не ведают.

Остальные гномы засмеялись.

— Мы,— заговорил старичок,— давно отделили нашу жизнь от жизни смертных. В стародавние времена мы тоже жили у всех на виду. Когда людей стало на свете много и они проникли в наши края, нашёлся среди нас один старик, пожелавший жить с ними в мире. Звали его Стату-Палмэ¹. Сам с вершок, Стату-Палмэ держал маленькую мельницу на Молдове-реке. Хорошо молол Стату-Палмэ хлеб людям. Но глупые и злые смертные не давали житья мастеру. Сидя у костра возле мельницы и потягивая какой-то мутный напиток из блестящих бутылок, они глумились над старичком, дёргали его за бороду, смеялись над его маленьким ростом. Наконец мельник очень рассердился, разбил молотом жернова и поднял тво-рила мельничной запруды. Потом сел верхом на старого зайца и укатил подальше от людей в уединённые края, а заброшенная мельница опустела. С тех пор старик разлюбил людей. Иногда он выбирался из своей глуши на большую дорогу, подходил к бродам или старым заезжим дворам и, приблизившись в сумерках к костру, где беседовали люди, проделывал над ними разные шутки. Много удивительных рассказов ходит о нём среди людей. И вот, бросив молоть муку, Стату-Палмэ посоветовал кое-кому из нас поселиться здесь, в Бучуменской дубраве.

Старичок умолк, Лизука заметила, что все звери, букашки и птицы застыли в сиянии луны, словно мраморные, и внимательно слушают.

— А где же он теперь? — робко спросила она.

¹ Стату-Палмэ (рум.) — величиной с ладонь.

— Кто? Стату-Палмэ? Да он давно отошёл в подземное царство. Больше он к людям не ходит. Стар стал и немощен. Порою сходится он с такими древними великанами, как Круши-Камень, Ломай-Дерево, и толкует с ними о том о сём. Конечно, с такими собеседниками не наговоришься вдоволь: великаны — они тугодумы, а к тому же уродливы, непочтительны и жадны. Однако приходится с ними коротать время! Впрочем, им-то недолго осталось жить. Некогда великаны помогали Фэт-Фрумосу¹ убивать змеев и драконов, а теперь им делать больше нечего: пора перейти в вечную тьму. Стату-Палмэ уже много веков ждёт не дожждётся своей смерти. Иногда, думая о ней, он печалится. Жизнь у нас долгая: по тысяче лет и более. Мы могли бы жить вечно, но вижу, подходит и наш черёд. Люди всё меньше любят сказки и легко забывают своих друзей. А потому пройдёт немного времени, и мы тоже уснём вечным сном. И пещеры закроются навсегда.

У Лизуки на глазах навернулись слёзы.

— Что же станется со мною, когда вы уйдёте? — шепнула она.

Старушка тяжело вздохнула и заплакала.

«Точь-в-точь как бабушка», — подумала Лизука.

Остальные гномы улыбнулись. Старичок наклонился и положил руку на лоб девочки.

— Будь спокойна, Лизука, мы тебя не оставим. Этой весной нашей дубраве грозила опасность, но, слава богу, она миновала.

— А что случилось этой весной?

— Неужто забыла? Твой отец явился к дедушке и потребовал, чтобы он продал дубраву. Ему, видишь ли, нужны были деньги!

¹ Фэт-Фрумос — добрый молодец, герой румынских сказок.

— Верно, верно,— вспомнила Лизука.— Долгое время теребила его маменька, всё хотела, чтобы он продал дубраву. Но ни я, ни Патрокл не согласны, и дедушка тоже.

— Конечно, дедушка очень рассердился и кричал, что не бывает этому. Дубрава-то девочкина...

— ...и наша! — тоненьким голоском произнесла принцесса.

— А если бы рэзеш¹ смалодушничал,— продолжал гном,— и позволил уничтожить лес, иссякли бы родники, завяли травы, рухнули бы скалы и пришлось бы нам скитаться невесть где, по пустынным землям.

— А правда, здесь лучше, чем в других местах?

— Правда! Мы привыкли к этой дубраве с тех пор, как Стату-Палмэ привёл нас сюда. Под горою у нас тайные пещеры, и мы живём в них спокойно. Летом часто выходим, вот как сейчас, и веселимся. А когда облетят с деревьев листья и лес опустеет, мы запираемся в пещерах и ждём конца зимы. Изредка доносится до нас голос выюги, далёкий и тихий, как жалоба. А мы дремлем на постелях из еловых веток и мха либо бодрствуем и шепчем сказки, вспоминая приключения минувшего лета. С потолка пещеры льют перламутровый свет сталактиты, а в глубине сверкают вечные родники. Раз в день мы грызём лесные орехи и ягоды шиповника и пьём чистую воду. Тарелками служат речные ракушки, стаканами — напёрстки желудей. Мы не жадные, довольствуемся малым. С нетерпением ждём мы часа, когда затрещит лёд на речке и зазвенит вешняя песня ручьёв. Тогда мы в первое полнолуние открываем пещеру и выходим посмотреть, как расцветают на полянах подснежники, фиалки и примулы.

¹ Рэзеш — мелкий землевладелец в старой Румынии.

VII

Сказка о фее волшебного вымысла

Старичок умолк, и Лизука осмотрелась. Она заметила, что звери и птицы обратили светящиеся глаза к принцессе, и поняла, что все ждут от неё сказки, и очень обрадовалась. Даже барсук сидел спокойно, положив голову на лапки, и только глаза его изредка загорались подобно тлеющим уголькам. Патрокл тоже оглядывался, высунув голову из дупла, но так как он был необыкновенным, чудесным псом, то ничему не удивлялся.

— Я тоже знаю сказку,— сказала певучим голоском маленькая светловолосая принцесса.— Она очень древняя. Её сложили ещё в ту пору, когда Бучуменская дубрава и многие другие сливались в одну пущу, простиравшуюся до самых высоких гор. Тогда сёл было мало, а городов почти совсем не было. В дёбрах водились зубры, а над водами кружили большие птицы — они теперь улетели к Северным морям. В сёлах жили добрые люди, которые верили в наше царство чудес. А в городах, как и теперь,— великие учёные, которые не верили.

И вот прошёл слух, что в этой древней и прекрасной дубраве живёт фея, каких никогда ещё не бывало,— тонкая и белая, с голубыми глазами и с золотыми волосами до пят. Она была так красива, что старики медведи и дикие вепри спускались с гор, чтобы преклонить перед нею колени. А когда она тёмной ночью выходила на поляну, вокруг неё разгорался яркий день и пели песню ручьи.

На посиделках в деревнях парни и девушки говорили о ней, как о чуде из чудес. Видеть-то они её не видели, но о ней рассказывали им леса, ветры и воды.

Пошла молва о той фее с золотыми волосами за тридевять земель. Заговорили о ней в городах. Многие храбрые королевичи седлали коней и, опоясавшись мечом, пускались в путь со своими воинами. Завидев их, косули разбегались и птицы взлетали в небо.

Но напрасно искали они, напрасно ворошили чащобы — не нашли ни феи, ни её дворца.

А слухи и сказки всё ходили да ходили по свету.

И нашёлся в дальнем царстве добрый молодец, который, прослышав про фею и её красоту, собрался в путь и приехал в эти места со своей свитой.

Он верил: она здесь, эта фея! И вот вступил он вечером один в лес и сладко заиграл в костяную свирель, и фея тут же появилась у родников, улыбнулась и сказала:

— Фэт-Фрумос, ты верил в меня, ты носил меня в своём сердце, оттого я и пришла по твоему зову. Отныне любовь моя будет согревать твою жизнь, горести твои искупятся, а в смертный твой час я принесу тебе цветы утешения.

Фэт-Фрумос как зачарованный слушал её нежный и звонкий, словно золотая струна, голос.

Но когда он шагнул к ней, она подняла палец и остановила его.

— Завтра вечером приходи снова,— сказала она с улыбкой.

И он приходил каждый вечер, как только сумерки окутывали поляны таинственным покровом. И был он счастлив, как никто другой на земле.

А придворные и учёные, тайно следившие за ним, дабы взглянуть на фею с золотыми волосами, видели у родника одного Фэт-Фрумаса. Они не верили в царство чудес и стали поговаривать о том, что никакой

феи в дубраве нет. Услышав это, Фэт-Фрумос очень удивился.

— Фэт-Фрумос,— обратился к нему учёный-врачеватель,— нам хочется узнать правду. Попроси у феи перстень и принеси его в доказательство её существования.

И вечером, сидя у родника, Фэт-Фрумос попросил у феи перстень.

— Перстень — вещь земная,— отвечала она с улыбкой.— Я не ношу пустых украшений. Моя любовь дороже блестящих безделушек.

Когда королевич воротился с этим ответом, врачи дали ему ножницы и посоветовали тайком отрезать прядь её золотистых волос.

И на другой вечер, украв минуту, Фэт-Фрумос отрезал золотой локон и спрятал его за пазуху. Когда же королевич вернулся и вокруг него столпились учёные, он тщетно искал принесённую прядь: за пазухой ничего не было.

Собрался великий совет учёных и врачей. Они открыли книги, развернули свитки, держали длинные речи и полностью доказали, что в нашей дубраве нет никакой феи и всё это — плод больного воображения.

Поверил им юноша, сел на коня и воротился домой со своей пышной свитой. Был он хмур и печален и долгое время ходил как потерянный, словно думал о чём-то утраченном навеки. С годами душа у него постарела и высохла, как у всех людей. И в час кончины никто не принёс ему цветов утешения.

А живущие в наших краях бедняки по-прежнему верят в фею с золотыми волосами, и она изредка является в сумерках у родников.

VIII

У рубежей волшебного царства

Старушка вновь заплакала и тихонько вздохнула:
— Наша принцесса рассказала очень красивую сказку. А я-то уж давно её позабыла.

Лизука посмотрела на седых бородачей: они сидели словно каменные истуканы.

Указав на них пальчиком, она спросила старичка:

— А они не рассказывают сказок?

В глазах бородачей, похожих на листики осоко́ря, на мгновение вспыхнули огоньки. Румяные губы растянулись в улыбке.

— Нет,— отвечал старичок,— у них не так уж много времени думать о сказках, они мастера-кузнецы и редко появляются на полянах. День и ночь стучат они молотками по наковальням в своих пещерах, где горит неугасимый огонь. Там они куют золото и серебро, чеканят драгоценную утварь. Из тайников, ведомых лишь им одним, добывают драгоценные камни, собирают сокровища, некогда зарытые людьми. А раз в год, в ночь под праздник Ивана Купалы, выносят из пещер золотые опилки и разбрасывают по ветру. И тогда, принимая пыльцу, раскрываются, расцветают желтоцветы. В эту ночь видны сверкающие клады, и кузнецы ищут их, копая землю маленькими заступами. Но кузнецы так проворно работают и так незаметно скрываются, что люди их не замечают.

Старушка снова всхлипнула.

— Отчего же ты опять плачешь, бабушка? — спросила её принцесса.

— Я тоже вспомнила сказку и хочу её рассказать,— ответила мягким голосом старушка.— Здесь, в ложбине, недалеко от дубравы, стоит крестьянский домик. С давних пор живут в том домике люди. Спер-

ва они молоды, потом стареют и уходят туда, откуда нет возврата. Молодые подрастают и тоже стареют. Я люблю их и часто вечерами заглядываю к ним в окно. Однажды в углу горницы я увидела бледную молодую женщину с большими глазами, а рядом с ней девочку. Женщина ласкала её и говорила: «Милая доченька, твой отец стал забывать меня, а мне уж недолго осталось жить. Когда меня не станет, ты не очень горюй, не бросай своих игр. А если соскучишься, постарайся побыть одна. Вспомнишь обо мне, и я приду. Я буду всего лишь тенью, но всё же приласкаю и обниму тебя».

Сердце Лизуки громко забилося.

«Так говорила мама однажды вечером,— подумала она, закрывая глаза.— А старушка стояла тогда у окна и смотрела на нас...»

И девочке стало так грустно, что казалось, сердце исходит слезами.

Гномы решили, что она заснула.

— Ребёнок засыпает,— сказал старичок.— Как же нам быть? Здесь оставлять её нельзя: на заре набежит из речного оврага холодный ветер, от него у девочки застынут щёки и глаза поблёкнут. К нам в пещеру её нести тоже нельзя: проснётся, может испугаться; к тому же днём из нашего царства чудес нет выхода в мир земной.

— Тогда,— робко заговорила старушка,— отведём её к людям, в тот домик, про который я говорила.

— Верная и разумная мысль, бабушка,— улыбнулась принцесса.

Лизука приоткрыла глаза. Теперь ей казалось, что сборище у дупла всё больше отдаляется от неё. Лица расплывались, словно она видела их сквозь дымчатое стекло. Принцесса взмахнула своим тонким ореховым прутиком. Встал седой гном и достал

из-за пояса серебряный молоточек. Затем он торопливо выбрал колокольчик на высоком стебле и, посадив светлячка в чашечку цветка, быстро пошёл к речному оврагу, держа этот маленький светильник в руке. Огонёк замигал в тумане ложбины, затем поднялся по противоположному склону, то появляясь, то исчезая за кустами. Дубрава застыла в молчании, словно хрустальная.

За речкой трижды явственно раздался стук серебряного молоточка в окно домика.

Огонёк снова замигал в речном тумане. Гномы встали из-под ракиты и, дружелюбно улыбнувшись Лизуке, направились к своей заколдованной пещере. При их приближении потайная дверь открылась и бесшумно замкнулась за ними. Светлячки потухли. Звери отступили во тьму чащобы. Птицы захлопали крыльями, улетая в звёздное небо. И Лизука, лёжа с закрытыми глазами, услышала, как трижды гневно тявкнул Патрокл. Голос его громким эхом огласил дубраву.

В ответ раздался лай другой собаки, более тонкий и отдалённый. И снова трижды пролаял верный Патрокл.словно во сне, видела Лизука из своего дупла дрожащий огонёк, петлявший в тумане ложбины. Потом услышала голоса. Пёс с лаем помчался навстречу огоньку.

Порядком напуганная, Лизука ждала, поёживаясь от ночной прохлады. К дуплу приближались какие-то лиловые тени.

В красноватых отблесках фонаря девочка неясно различила двух старичков, похожих на обитателей пещер, и удивилась, потому что они походили также на её дедушку и бабушку.

Лизука почувствовала, что её берут на руки. Отзвуки лая, кружась, затихли в лесных оврагах. И крепкий полночный сон завладел ею.

*В красноватых отблесках фонаря девочка неясно различила
двух старичков, похожих на обитателей пещер...*

У дедушки с бабушкой был сад и пчельник

Открыв глаза, Лизука увидела, что находится в белой горенке, на чистой постели под покрывалом. В открытое окно щедро вливались солнечные лучи. Шёлковые занавески чуть колыхались, и утренний ветерок доносил до слуха девочки жужжание пчёл и аромат Melissa и синего зверобоя.

В восточном углу горницы поплёскивали иконы и лампада. Лизука узнала их. Да, она находилась сейчас в домике дедушки и бабушки, лежала в той же постели, где спала когда-то мама, которой теперь уже нет.

И вдруг она мысленно обратилась к умершей. Закрыв глаза, как всегда, увидела её. Мать шептала ей ласковые слова, лицо у неё было бледное, глаза большие. Девочка тихо вздохнула. Потом снова открывала глаза, радуясь, что находится у дедушки с бабушкой.

На полосатом половике, свернувшись калачиком, спал Патрокл. Девочка хотела было весело окликнуть его, но, подумав, решила не будить.

Внезапно из сада донеслись голоса: кто-то бранился. Напрягая слух, Лизука тут же распознала резкий, залиvistый голос маменьки. И такой же острый, сорочий говорок служанки. Дедушка отвечал им спокойно и мягко.

— Не будете ли вы столь любезны,— говорила маменька,— объяснить мне одну вещь? Вчера я послала Ильяну узнать, не приходила ли сюда девочка, а вы изволили ответить, что ничего не знаете, и даже притворились, будто обеспокоены...

Служанка тут же повысила голос:

— Он даже попрекал нас, что Лизука заблудилась и потерялась.

— А теперь,— продолжала госпожа Василиан,— насколько я поняла из ваших слов, девочка здесь?

— Да,— спокойно ответил дедушка.— В конце концов я догадался, где нужно её искать. Поздно ночью я нашёл её в лесу. Девочка заблудилась.

— Ну, знаете ли, это уж слишком! — насмешливо заметила маменька.— И вы думаете, что меня можно тронуть подобными баснями?

Служанка снова вмешалась:

— Я ещё вчера всё поняла...

Последовала минута молчания. Потом заговорил дедушка. Он начинал сердиться и потому говорил медленно, чеканя слова:

— Что это за разговоры, скажите пожалуйста? Какие такие басни? И что вы вчера вечером поняли? И чего вы не хотите понять теперь? Что вам, в конце концов, нужно?

— Мы пришли за девочкой. Абсолютно недопустимо, чтобы она здесь оставалась.

Лизука сжалась под покрывалом.

Старик горько рассмеялся:

— Как же так, скажите на милость? Удивительное дело! Вы пришли за девочкой, а я её вам не отдам, слышите? Хватит, моё терпение кончилось! Я знаю, вам недосуг слушать, а то я бы мог вам рассказать длинную историю об одной барыне, которая была бы очень рада, если бы с девочкой случилось то же, что и с её матерью. Тогда она спокойно могла бы пользоваться добром, нажитым трудом рэзеша. Но этому, дорогая моя, не бывать: рэзешу давно знакомы дороги в суд. И судьям мы кое о чём расскажем, да, да, расскажем как положено, без утайки. Мы ведь глупые люди и в тонкостях не разбираемся. Так что уж сделайте милость, ступайте отсюда подобра-поздорову и оставьте в покое девочку и собаку.

Лизука подняла голову и сказала дрожащим голосом:

— Патрокл, ты слышишь?

— Слышу,— безучастно пробормотал пёс. Видно, теперь ему было всё нипочём.

Снова раздался яростный голос маменьки, и через некоторое время суровый голос деда прервал её:

— Мадам, успокоились бы лучше. И не размахивайте так руками, а то недолго до греха!

Но маменька ни о чём и слышать не хотела, её тонкий, залиvistый голос становился всё пронзительней. Но вдруг она испустила такой душераздирающий крик, что Лизука вздрогнула и вскочила на ноги. Вслед за ним раздался истошный вопль Иланы.

Почти в ту же минуту отворилась низенькая дверь, и к постели девочки неслышно подошла бабушка, ху-

дая и маленькая, с глазами будто два поблёкших цветка цикория.

Вид у неё был напуганный, она протягивала иссохшие руки к девочке.

— Разбудили тебя, доченьку мою,— шепнула она.— Так оно и случилось, как отец наш (так она называла дедушку) говорил. Слишком близко подошли к ульям, и пчёлы накинулись на них. Теперь они бегут за калитку, машут руками, а от пчёл отбиться не могут. Боюсь, после обеда барыня сможет глядеть на гостей только одним глазом.

— Да неужели! — вскричала Лизука.— Пчёлы ужалили её?

— Да, светик мой, ужалили...

— И служанку?

— И её.

— Как я рада! — торжествовала Лизука. И Патрокл тоже рад. А когда я увижу папу, я скажу ему, что отсюда никуда не уйду, лучше умереть.

— Дорогое ты моё сердечко! — вздохнула старушка, прижав к груди стриженую головку девочки.

Она тихо заплакала и принялась укачивать внучку. А Лизука снова закрыла глаза и прильнула к груди бабушки, вдыхая аромат базилика. Ей снова вспомнились ночные приключения у рубежей волшебного царства.

МАРТ

Хотите послушать сказку о Дóкии? Так вот: эта колдунья жила в доме, высеченном в скале, высоко на горе Чахлэу, в том месте, которое сейчас зовётся Панáгией.

Старуха никогда не молилась: ни утром, ни вечером. Она жила одна там, где стелется по камням можжевельник и цветут мелкие горные розы. Летними ночами слетались к ней из ущелий дýхи. А когда бушевали ураганы и сверкали кривые молнии, на утёсы поднимались твари из подземного царства чёрта Тáртора. С ними со всеми вела дружбу Докия, как и всякая знахарка, далёкая от всего мира и забытая господом.

И вот рядом с нею появилась живая душа из долин. У шалаша, снесённого горными потоками, бабка нашла девочку. Докия со своей безлюдной высоты услышала, как она плачет, спустилась, взяла её на

руки и поднялась с нею наверх. Старуха давно не видала человеческого существа, потому что пришла в горы в незапамятные времена, когда в долинах ещё владычили великаны.

Согретая незнакомым прежде чувством, очарованная маленьким нежным созданием, она решила вырастить малютку.

Попоила её молоком чёрной козы, закутала в меха и положила у очага, разожжённого можжевельником.

Так стала расти приёмная дочка Докии, красивая, стройная и дикая. Она росла в горах около облаков. И колдунья привязалась к ней, полная несказанной любви. Девочка была светом в её мраке, цветком в одиночестве, на которое старуха была обречена много веков подряд. Докия следила за её первыми шагами и первыми словами с такой радостью, которой не дано испытать смертным. Она с любовью глядела на девочку, обнимала её, шептала ей ласковые слова, никогда прежде не вылетавшие из этого беззубого рта.

И так они жили вместе на горе. Люди были далеко, невесть где, на равнинах, закрытых прозрачной дымкой. А здесь, выше всех горных лесов, девочка Докии видела только коз с загнутыми рогами и больших беркутов с голыми шеями. Она смотрела на них голубыми задумчивыми глазами, говорила с ними, как с друзьями, и радовалась, потому что ничего другого она не знала и других игр у неё не было.

Однажды, в самый разгар весны, девочка лежала, положив голову на колени старухи, а та перебирала её золотые волосы костлявыми пальцами. Девочка, улыбаясь, приоткрыла веки и сквозь чёрные ресницы увидела в светлой пыли сперва бабочку, а потом пчёлку. Бабочка играла в солнечном луче, тихо жужжала и кружилась вокруг цветка.

Малышка подняла голову с подола старухи.

— Скажи, мамочка,— спросила она,— что это за букашка бьёт крыльями и словно хочет взлететь к солнцу?

— Это бабочка, дорогая!

— А вон та букашка, что поёт вокруг какой-то искорки?

— Это пчёлка, девочка!

— А что они здесь делают? Откуда они пришли? Я их раньше никогда не видела!

— Видишь ли, дорогая девочка, в наших пустынных местах бабочки встречаются редко, а пчёлы летают ближе к людскому жилью.

Девочка замолчала, мечтательно вглядываясь в даль. Но потом спросила:

— А где живут люди, мама?

— Далеко.

— Там, где блестят реки и клубится пар?

— Да, милая, далеко.

— А люди — они такие же, как мы, мама?

— Да, но только они не такие старые, как я, и не такие красивые, как ты.

Так, расспрашивая то об одном, то о другом, девочка понемногу узнавала о большом мире; а так как была она из людского племени, тайное желание влекло её к долинам, словно невидимая нить. Но она ничего не говорила. С каждым годом рос её разум и росло её любопытство. Дочка Докии становилась всё прекраснее. На её глаза, красивые, как цветы, опускались длинные тенистые ресницы; да и вся она была нежна, как цветок, хотя одевалась в звериные шкуры.

Скалистый дом над Чахлэу казался ей слишком тесным и уединённым. Сказки бабки про прежние дни она слыхала уже десятки и сотни раз; знала все её заговоры, умела собирать дикie травы, а теперь ей хотелось чего-то иного — она сама не знала чего; ду-

ша её рвалась неведомо куда; ведь у неё, хотя она этого и не знала, были корни в мире людей.

— Мапочка,— прошептала девушка как-то вечером в свою восемнадцатую осень, прильнув к старушке,— что со мной, почему у меня холодные руки?

— Поднеси их к огню, девочка,— стала утешать её бабка Докия.

— Меня опалает жар, мама, у меня горит лоб, а вот руки холодные.

— Тогда иди положи голову мне на колени — я тебя заговорю.

— Ты меня уже заговаривала, мама, только всё напрасно — мне скучно, и на сердце какая-то тяжесть.

Старушка грустно поглядела на неё — она-то знала настоящую причину её горя.

— Дорогая моя, это думы не дают тебе покоя, потому что этим летом ты чересчур часто глядела в долины.

— Верно, мама; из долины поднимается тёплый ветерок, приятный запах, там я слышала звук пастьюшего рога и песню свирели.

— Доченька дорогая, люди зовут тебя в свой мир. Но разве тебе не хорошо здесь, со мной? В долине люди, а вместе с ними — болезни и несчастья. Живут там нечисто и умирают рано. Или тебе плохо здесь, выше людей и облаков? Или я не люблю тебя всем сердцем? Или ты не видишь, что я умерла бы без тебя?

— Мама, ты своей любовью согрела моё детство, мне хорошо у твоей груди, но я сама не могу понять, что со мной. Мне что-то не даёт покоя. Мне хочется туда...

Старая Докия боялась долины.

— То, чего ты хочешь, девочка,— сказала она,— приведёт тебя к несчастью. Останься со мной.

— Хорошо, мама, я останусь.

Привычная к послушанию, девушка думала, что волнение её скоро уляжется. Но оно было подобно весенним цветам, которые пускают почки под снегом и ожидают первого тёплого ветра, чтобы пробиться между засохшими листьями.

Ах, какой печальной казалась ей осень в горах на восемнадцатом году жизни! Ветры пели тоскливыми голосами и, как тяжёлый озноб, гуляли по гривам бессмертных елей. Дни были короткие, ночи казались вечными. А мысли, враги человека, не давали ей покоя. В душе её рождались всё новые думы и желания и, как птицы весною, просились в другие края.

А потом на каменную келью налетели зимние вьюги. Девушка, много лет жившая в своём хвойном гнёздышке, убаюкиваемая рассказами старухи, обычно не замечала зимы. Её радовали любое слово, поцелуй, треск очага, когда пламя охватывало ветки, набухшие душистой смолой. Но теперь зимний холод проник в её сердце. Летнее небо было таким голубым, а из долины столько голосов звало её к себе!

Как увядший цветок, клонилась она, прижимаясь лбом к чёрной стене. Старуха печально вздыхала, читала над ней заговоры, но всё было напрасно, пока внизу стонали бескрайние леса, пока бури с севера сотрясали горы и даже в самом убежище старухи веяло дыханием смерти.

— Что со мной, мама, почему я угасаю? — вздыхала девушка.

— Дорогая моя, цветочек мой дорогой... — просто-нала бабка Докия. — Я знаю, почему ты тянешься к людям: так уж бывает в твои годы. Но если ты спустишься в долину весной, ты уже не вернёшься!

— Вернусь, мама, ведь я здесь выросла. Позволь мне спуститься в долину, когда придёт весна!

Бабка Докия вздохнула и погладила девушку по бледным щекам.

А когда подул звонкий южный ветер и стал прибавляться день, когда над миром снова заблестело весеннее солнце, девушка пробудилась от оцепенения. Гора была ещё занесена снегом, но долины дымились и вдали виднелась бурая земля.

— Матушка, пусти меня в долину,— попросила девушка.

— Иди, дорогая, только скорее возвращайся!

Надев тулуп, девушка еловыми лесами спустилась с гор в долины, где слышались нежные призывы оленей и серн, и скоро вернулась к своей старушке с душистыми фиолетовыми цветами горной сирени.

Когда бабка Докия увидела дочь, её прохватил озноб, хотя она была закутана в семь тулупов. Девушка поставила веточку с гроздьями цветов в каменную чашу и смотрела на неё с несказанной радостью. Это был первый вестник весны и её молодости. Но жизнь на горе была сурова, и цветы скоро завяли.

Ей опять захотелось пойти в долину, только на этот раз подальше.

— Матушка, отпусти меня к родникам.

— Иди, дорогая, только возвращайся поскорей!

Девушка спустилась в долину к берегам Бистрицы, по которой с грохотом и гулом плыли льдины. Она была ещё высоко, поля, залитые светом, лежали дальше. Оттуда доносилась песня сопелки. Девушку потянуло туда, но ей стало страшно. Она вернулась наверх с цветами фиалки:

— Матушка, в долине зацветают рощи. Разрешите мне и завтра пойти туда?

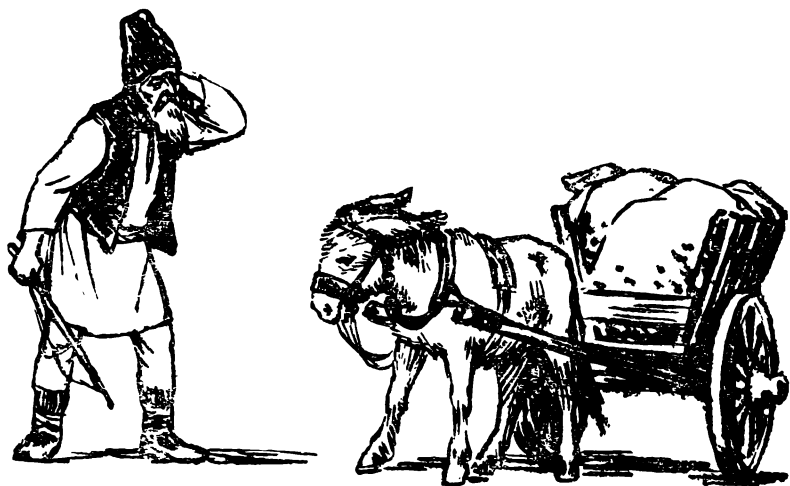
Старушка обрадовалась, когда вернулась дочь. И на следующий день она опять отправила ее в долину, вплетя в её косы, за ухом, букетики фиалок.

А в долинах было тепло, долины цвели, и в прибрежных рощах слышались голоса людей. Птицы радостно чирикали на ветках берёзы, тонких, словно нитки. Все букашки выползли из земли, чтобы поклониться весеннему солнцу.

Увидев, что её девочка не возвращается, бабка Докия на другой день на рассвете спустилась со своего горного ледника, закутанная во все свои тулупы, чтобы отыскать её. Дойдя до цветов горной сирени, бабка почуяла дуновение весны и сбросила первый тулуп; дойдя до луга с фиалками, она сбросила второй тулуп, разукрашенный снегом и сосульками. А увидев воды Бистрицы, она оставила на траве третий тулуп. Отшельница плакала слезами, подобными ледяным жалам изморози; злая, она двинулась дальше, ища своё сокровище и радость. В тёплой долине она сбросила с себя все остальные тулупы и с горечью и болью стала разыскивать девушку в цветущих рощах. А у нижних полян, где проясняется горизонт, откуда видны голубые горы, она остановилась. И теперь она разглядела свою малютку.

Девушка сидела под сводом ивы у ключа и вся золотилась в лучах солнца. А какой-то парень — из людской породы — обнял её и шептал ей слова, горячие, как весенний ветер.

Старуха поняла, что потеряла дочь навсегда. В ярости и печали она вернулась в свой одинокий скит. И там, лишённая последней любви своих поздних лет, она, как говорят старики, умерла, и холодные ночи марта превратили её в льдины и скалы.

УПРЯМЫЙ ЯНОШ

Янош был маленьким сереньким осликом с чёрным крестом на спине. Это было существо очень порядочное, терпеливое и покорное. Только иногда на него нападал приступ упрямства. Если это случалось в то время, когда он шёл в упряжке, Янош останавливался, опускал голову на грудь и ни за что на свете не соглашался тянуть дальше тележку.

Так оно и случилось однажды, когда Янош возвращался с поля домой с тележкой, гружённой картофелем. То ли ему надоело тянуть тяжёлую тележку, то ли ещё что-нибудь, но ослик остановился у околицы. Брат хозяйки, бородатый Ион, рассердился: — Опять на тебя нашло, проклятый Янош?

Осёл тряхнул головой, словно отвечая: «Да, нашло. А тебе какое дело?»

Ион стиснул с досады зубы и огрел его кнутом. Янош в ответ брыкнул задними ногами. Ион снова ударил его, и Янош ещё выше брыкнул ногами, угрожающе показав Иону копыта.

— Ну и проклятый же осёл! — воскликнул Ион, почесав в затылке. Затем он обошёл осла со всех сторон, разглядывая его, как привидение с того света. — Эх, Янош, Янош, — начал Ион медовым голосом. — Брось ты эти шутки, друг Янош! Давай-ка лучше поскорее свезём тележку с картофелем... Ведь нас ждёт хозяйка, ещё, того и гляди, рассердится, раскричится. Сам знаешь. Что ж, пошли?

Янош покачал головой: «Не хочу!»

Тогда Иона охватила злоба:

— Ну, если так, дружище, держись! Со мной не шути!

И он начал снова стегать Яноша кнутом. Бил, бил, пока не устал. Тогда он принялся ругать его на все лады. Но и это не помогло. Увидев, что никакими силами нельзя сдвинуть Яноша с места, Ион отошёл в сторону, сел на обочину дороги и, скручивая сигарку, промышчал с досадой:

— Хм! Вот подлое животное! Господи, никогда ещё не видал я такой твари...

Неизвестно, слышал ли Янош эти слова, но только он вдруг пустился вскачь. Пустился быстро, весело — и понукать не надо. Ион так и подпрыгнул на месте:

— Стой! Тпрр-ру... Куда?!

Кисет его упал на землю, табак рассыпался, ветер подхватил и унёс курительную бумажку. Но Ион этого даже не заметил. Он со всех ног кинулся догонять тележку.

Однако не так-то легко догнать Яноша, когда он пускается во всю прыть.

Ослик быстро-быстро перебирал копытами, из-

редка поворачивая назад голову, словно поглядывая, далеко ли погоня.

— Стой, стой! — кричал, задыхаясь от бега и обиды, Ион. — Стой, едят тебя волки! Ишь ты! Смеяться вздумал надо мной, проклятый осёл...

Наконец он догнал тележку, ухватился за вожжи и снова взмахнул кнутом над спиной Яноша. Но тут в голову ему пришла такая мысль: «А что будет, если я его ударю, а он опять обидится, остановится посреди дороги и не захочет тронуться с места? Нет уж, бог с ним! Ну его к бесу!»

Он решил оставить ослика в покое. Янош благополучно довёз тележку до дома. Тут Ион сдвинул шапку на затылок, поплевал в ладони и перенёс мешки в сарай.

Затем он распряг Яноша, дважды огрел его кнутом и, глядя на него с ненавистью, сказал:

— Пошёл прочь! Из-за тебя я просыпал мой табак и насмешил всех прохожих, бегая по дороге как полоумный. Ладно же! Я отплачу тебе за это и едой и водой! Ты у меня погрызёшь забор... Марш!

И, щёлкнув ослика кнутом ещё раз, он направился на кухню перекусить.

Ослик терпеливо ждал: он знал, что после работы ему тоже полагается еда и питьё — охапка сена и ведро воды.

И в самом деле, ждать ему пришлось недолго. Ион скоро опять появился во дворе. Однако, вместо того чтобы накормить и напоить ослика, он преспокойно двинулся к ближайшему трактиру — видно, после обеда ему захотелось промочить горло стаканом вина. Но только собрался он выйти за ворота, как Янош загородил ему дорогу. Его большие глаза глядели просительно и как будто говорили: «Что же ты? По корми меня! Дай мне ведёрко водицы!»

Ион усмехнулся:

— Вот как! Ты, я вижу, не прочь напиться и подзакусить? Потерпи, дружок! Я ведь от тебя тоже порядком натерпелся! Будь спокоен, найду я на тебя управу!

И он вышел за ворота. А Янош вернулся на своё место под навес конюшни. Низко опустив голову, он слушал, как за стеной кони в конюшне с хрустом жевали сено. От этого есть хотелось ещё больше, но никто не вышел из дому посмотреть на бедного ослика. Было жаркое послеобеденное время, когда хозяева отдыхают на мягких перинах и во дворе совсем пусто.

И вот наконец дверь слегка скрипнула — из высокого дома, со столбами, обвитыми диким виноградом, вышел, шлёпая босыми пятками, Митицэ, самый младший сынок хозяина. Ему было всего пять лет, он был славный крепкий мальчуган с русой головкой и голубыми глазами. Перегнувшись через перила крыльца, Митицэ оглядел пустой двор и вдруг увидел Яноша.

— Ага, вот и Янош! — закричал он радостно.

Спустившись по лестнке, мальчик подошёл к ослику. Янош насторожённо повёл длинными ушами и взглянул на него ласково и жалобно. Янош любил Митицэ. Погладив ослика по мохнатому боку, мальчик спросил:

— Что поделываешь, Янош? Ты как будто сердишься?

Янош в ответ тряхнул ушами, а затем вытянул шею, как будто указывал на изгородь сада.

— Ты хочешь в сад?

Да, должно быть, это было так!

Ослик зашагал прямо к калитке. Митицэ пошёл за ним. И вот уже оба они стоят перед калиткой, ве-

душей в сад, откуда так сладко пахнет сочной, свежей травой.

— Я очень хочу есть! — сказал вдруг тихо Янош.

Митицэ удивился: он не знал, что Янош умеет говорить по-человечьи. Но раз умеет, тем лучше.

— Что ты, Янош? — сказал он. — Да разве ты не ел сегодня?

— Нет, хозяин, не ел, — грустно ответил ослик. — Старый Ион рассердился на меня, сам не знаю за что. Рано утром он вывел меня, погнал в поле и не дал мне даже зёрнышка... Лошадям-то он даёт вволю и сена и овса, а мне — ничего. Хоть бы когда доброе словечко сказал! Только бранится да понукает. А сегодня по дороге домой прибил меня ни за что ни про что. Ну да ладно, и я в обиду себя не дал. Пока он меня бил да понукал, я стоял как вкопанный, а когда он захотел скрутить себе сигарку и присел на краю дороги, я взял да и пустился вскачь. Уж он за мной гнался, гнался...

Митицэ засмеялся и ответил:

— Я слышал, как он жаловался маме. Ну да я знаю, что он сам виноват...

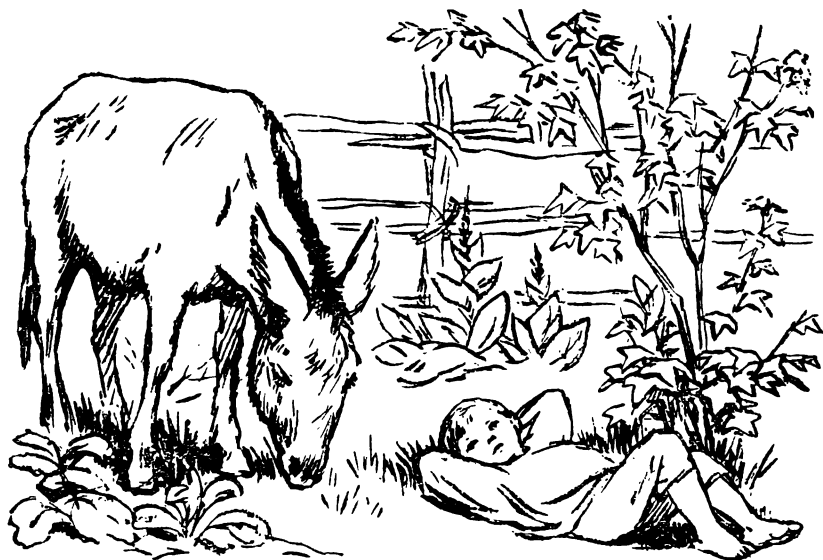
— Изведёт он меня, хозяин, — тихо сказал ослик, печально глядя на мальчика. — До сих пор я тебе ничего не говорил, ведь у тебя и других хлопот немало. А теперь вижу, что тебе меня жаль... Так и знай, если ты не заступишься, он меня изведёт.

Митицэ обнял ослика за шею.

— Нет, нет, — сказал он. — Не бойся, Янош! Я не дам тебя в обиду!

Оба помолчали, потом ослик подмигнул глазом, указывая на сад.

— Хозяин, очень бы мне хотелось пощипать немного зелёной травки... А то от голода у меня и глаза не глядят.

— Давай войдём в сад,— сказал Митицэ.

Мальчик открыл калитку, и они вошли. Янош начал щипать траву, а мальчик развалился под кустом в тени, и беседа продолжалась.

Митицэ сказал:

— Послушай, Янош, скажи мне, почему ты всегда такой печальный и стоишь под навесом понутив голову? Теперь я припоминаю, что ты всегда стоишь понутив голову...

— Да что тебе сказать,— ответил Янош, поглядев на мальчика,— уж больно мне худо живётся.

Ослик помолчал и несколько минут жадно щипал траву. Потом, немного подкрепившись, он повернул голову к Митицэ, который лежал на спине и разглядывал голубое небо.

— Если бы тебе приходилось с утра до ночи возить тяжёлую тележку,— сказал он,— терпеть ни за

что ни про что брань и побои и никогда не наедаться досыта, ты бы тоже понурил голову. Погляди на меня! Кожа да кости! Насилу ноги таскаю.— Ослик рассердился и топнул копытом.— До того мне это надоело,— сказал он,— что я готов на всё! Вот пойду в лес, и пускай там меня волки съедят. Только так я и могу избавиться от моих мучений. Я уж хотел было сказать всё это твоему отцу, да ведь люди редко понимают, что говорит и думает наш брат, бессловесная скотина...

Митицэ внимательно посмотрел на Яноша и подумал, что ослику и вправду нелегко живётся. Держат его впроголодь — сена жалеют, овса и вовсе не дают. Когда старый Ион не в духе, удары так и сыплются на спину бедного Яноша, а в духе Ион бывает очень редко. В дождь и снег ослик стоит во дворе под открытым небом. А раз ночью Митицэ видел Яноша при свете луны. Ослик дремал, низко опустив голову, а на земле у самых ног его лежала чёрная печальная тень. Никто-то о нём не думает, никто не заботится. И Митицэ стало жаль ослика.

— Знаешь что? — спросил Митицэ.— Я так скажу. Когда во дворе никого не будет, каждый день после обеда, чуть только Ион уйдёт в трактир, я буду впускать тебя в сад.

— Вот спасибо,— сказал ослик и от радости пошевелил ушами.— Ну, а теперь, молодой хозяин, выпусти меня отсюда. Я досыта наелся. Пойду напьюсь у колодца, а потом — к себе под навес.

Они вышли из сада. Митицэ опустил перекладину калитки. Янош вернулся на своё место в конюшне, а мальчик забрался на крыльцо и сквозь дикий виноград смотрел на своего друга.

«Да ведь это чудесный ослик,— думал мальчик,— совсем как в сказках. Вот захочу и оседлаю его, и мы

помчимся... Кто его знает, куда мы помчимся! Если на меня нападут разбойники или дикие звери, Янош научит, как с ними справиться. И все будут удивляться моим подвигам...»

Пока он так мечтал, в воротах появился старый Ион. Нос у него зарумянился, и старик стал немного добрее. Пошатываясь и спотыкаясь, Ион направился к конюшне. Янош даже не двинулся.

— Ну что? — спросил Ион. — Теперь ты стал шёлковый, дружище? Ладно, так и быть, дам тебе водицы. Угошу...

Он принёс ведро воды из колодца и поставил его под самой мордой ослика, но Янош притворился, что и не замечает ведра.

— Это что за новости? — спросил Ион. — Не хочешь пить? Ага! Ты, верно, сперва хочешь поесть? Ну что ж! Я не дам тебе подохнуть с голоду, а то кто же будет возить картошку с поля? Подожди, принесу тебе немного сенца.

Он принёс охапку сена и положил её перед осликом. Но Янош и глазом не моргнул.

Старый Ион до того удивился, что даже всплеснул руками.

— Видал я упрямых ослов, — сказал он, — но гордых — никогда! Скажите на милость, так разобиделся, что не хочет ни есть ни пить. Ещё, чего доброго, назло мне заморит себя голодом... Нет, видно, придётся быть с ним поосторожнее...

Янош пошевелил ушами и поглядел на Митицэ, как будто хотел сказать: «Слышишь?» А Митицэ смеялся про себя и был очень рад.

ВИТЯЗЬ МЭЗЭРЯН

Каждый вечер бабушка рассказывала внучатам одно и то же. Это была очень красивая сказка о витязе Мэзэрьяне. Каждый вечер трое малышей — два мальчика и одна девочка, — поужинав, ложились в кровати и начинали упрашивать бабушку:

— Расскажи нам сказку.

— Про витязя Мэзэряна.

— А разве я не рассказывала её вчера вечером?

— Рассказывала, но мы уже позабыли, бабушка.

Ну расскажи!

— Да ведь я вам рассказывала и вчера, и позавчера, и на той неделе.

— Бабушка, ну мы очень просим тебя, расскажи нам ещё раз!

Все трое смотрят на старушку умоляющими глазами.

— Бабушка!..

Стоя в одних рубашонках, они начинают прыгать на кроватках, как белые медвежата, а затем разом усаживаются и поворачивают к ней головы. Спокойный свет лампы играет в их белых кудрях. Ласково поглядывая на детей своими усталыми глазами, бабушка начинает неторопливо рассказывать, как будто вспоминая что-то далёкое, давно пережитое.

— Ладно, так и быть, расскажу. Давным-давно жил один бедный человек. И был у него сын...

— Бабушка,— перебивает её старший внучек Никулэеш,— ты, кажется, позабыла сказать, что в то время подковывали блох и каждая подкова весила девяносто девять ока...

— И блоха высоко подпрыгивала и даже не замечала, что на ногах у неё такие тяжёлые подковы...— добавляет внучек Санду.

— Да, да... И был у того человека сын... В один прекрасный день, когда сын вырос, он пришёл к отцу и сказал: «Батюшка! Нет у меня ни матери, ни братьев, и скучно мне одному в нашем пустом доме. Отпусти ты меня, хочу я поездить по свету — поискать счастья». Так сказал сын. А старик ответил: «Ладно, ступай. Дам я тебе коня, ружьё и благословение моё...» И дал он ему коня, ружьё и благословил его. Сын уехал.

— Бабушка, а конь у него был белый, я знаю,— говорит Никулэеш.

— Белый разве?

— Ну ещё бы! Ты же сама говорила, бабушка. И когда сын уезжал, он снял с головы шапку и поцеловал отцу руку. Бабушка, ты должна говорить всё по порядку, как было.

— Ну конечно, конечно. Поцеловал ему руку и отправился...

— А почему он отправился? — спросил Санду. — Неужели он не боялся ездить один по всему свету?

— Нет, он не боялся, — твёрдо отвечает Никулэш. — Мэзэрян был храбрый. Он всех побеждал.

— Ну конечно, — говорит бабушка. — Да я вижу, что вы знаете всю сказку от начала до конца.

Но тут вмешивается девочка Лучия:

— Да нет, бабушка, право же не знаем. Расскажи нам, как он встретил Святую Пятницу...

Внимательно следя за тем, чтобы не пропустить больше ни одной подробности, бабушка продолжает рассказ о том, как Мэзэрян встретил на своём пути чудесного орла, шутку и муравья... Наконец он добрался до Святой Пятницы...

— Там была собака с железными зубами и стальными клыками, — осторожно напоминает Никулэш.

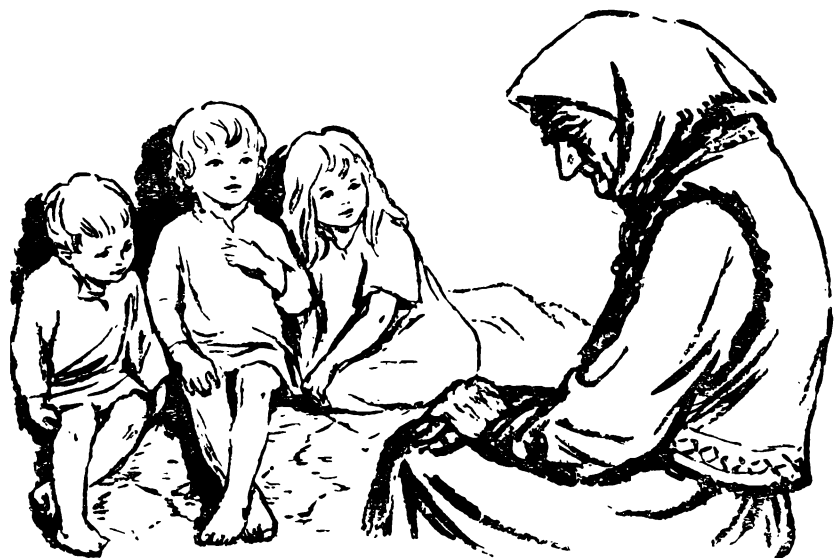
Бабушку клонит ко сну. Весь день она работала, возилась по хозяйству, и глаза у неё уже начинают слипаться. Она оперлась легонько на подушку, прислонённую к стене. Веки её трепещут, точно крылья.

— И вот постучал он в дверь, а Святая Пятница спрашивает: «Кто там?» — «Человек!» — «Ну, если человек, да хороший, заходи, а если плохой, проходи мимо, а то у меня собака с железными зубами и стальными клыками, разорвёт она тебя на тысячи клочков». — «Я хороший человек, Святая Пятница». ...Сколько раз я говорила, что дрова надо сушить. Вот опять не разгораются в печи. Лентяи вы... Вам бы только поесть да поспать! — бормочет вдруг бабушка.

— Бабушка! Бабушка! — наперебой закричали обиженные дети. — Ну не спи, чего ты там говоришь? Рассказывай сказку!

— Ах, да! Что? Какую сказку?

— Про витязя Мэзэряна, бабушка. Вот он приехал к Святой Пятнице. Ну что же, впустила она его?

— Конечно, впустила. Накормила, напоила и стала расспрашивать, зачем он странствует по свету.

Никулэеш подсказывает:

— А руку он ей поцеловал?

— Поцеловал. И сказал ей так: «Я брожу по свету, счастье ищу. Однажды ночью счастье мне приснилось в образе царевны из Страны Синего Моря. Не покажешь ли ты мне путь к Синему Морю?...» — «Так и быть, парень, покажу я тебе дорогу к Синему Морю. Иди ты на восток по извилистой дороге, только сначала зайди к Святому Воскресению...» И отправился в путь Мэзэрян...

— Сначала он поклонился и сказал ей спасибо,— снова добавляет Никулэеш.

— Да, да, а потом отправился в путь, к Святому Воскресению. Долго ли, коротко ли, всё шёл да шёл он... Шёл...— Глаза у бабушки закрываются, она бор-

мочет: — Какая курица?.. Я её искала, искала... Никаких яиц она не снесла...

— Бабушка, а бабушка! — хором кричат ребята.

— Что, что, милые? — просыпается бабушка.

— Бабушка, — громче всех говорит Никулэеш, — вчера ты нам больше рассказывала, мы уже дошли до Святого Воскресения и до Страны Синего Моря... Теперь я вижу — ты нам никогда до конца не расскажешь!..

Бабушка улыбается:

— Устала я, детки. Спать хочу. Завтра расскажу до конца.

Она гладит золотую макушку Никулэеша, своего любимца.

— Бабушка! А что, царство это, где был Мэзэрян, ещё и теперь есть?

— Нет, внучек. — Бабушка качает головой. — Нет его больше.

— И Мэзэряна нет? И царевны из Страны Синего Моря? Никого нет, бабушка?

— Никого нет, детки. Все давно умерли.

— А города их? А крепости?

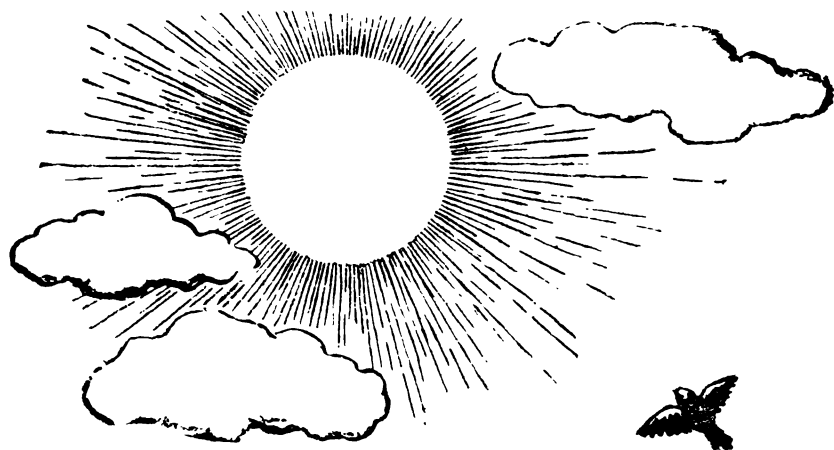
— Всё разрушено. Там теперь пустыня. Нет ни воды, ни деревьев. Кругом только песок лежит. И следа нет от царства того.

— Только ты одна, бабушка, и осталась с тех пор и помнишь ещё витязя Мэзэряна...

— Да, да...

Бабушка печально улыбается и, прищулив усталые глаза, глядит на стену, где висит в тени старинный портрет под стеклом. На портрете — молодая, красивая женщина. Это она сама в молодости.

— Да, да, — бормочет бабушка, — только я и осталась в живых с тех пор и помню всё, как было...

ЩЕГОЛ

Песня пёстрого щегла
В дом наш радость принесла.

Эту сказку рассказал мне один мальчик, глядя на меня чистыми и простодушными глазами.

Как-то раз, давным-давно, у нас была зима суровая-суровая. Бураны и вихри засыпали снегом долины, а кое-где намели целые горы. Из каждого окошка в деревне глядели малыши и удивлялись, видя столько сахара. Ах, как хотелось им выйти на дорогу полакомиться! Но только раскроют дверь, а мороз гонит их на печку греться с кошками.

Даже яйца в вороньем гнезде — а оно сложено из еловых веток — лопнули. Такого никогда ещё не было. Было холодно, как в пустыне полярных морей. Птицы перепугались и собрались под стрехой церкви на великий совет. Бедняги пищали, ёжились от стужи, и в глазах у них блестели льдинки, как маленькие стрелки. Слетелись все обитатели долин и гор, самые

разные пернатые с полей и болот, все маленькие певцы лесов и лугов. Все они молились на своём языке, сетовали и жаловались, что замерзают в одежде из перьев. Долго они так шумели. И вот, наконец, орёл, старый властитель гор, ударил концами крыльев в церковные колокола — мол, замолчите все, и сказал:

— Дорогие мои птицы, у нас лишь одно спасение. Нужно сделать то, что сделал человек: украсть хоть немножко небесного огня. Иначе мы погибнем, и человек погиб бы, не будь он таким хитрым и умелым.

— Правильно, правильно! Хорошо ты говоришь! — закричал весь птичий род. — Мудрое слово ты молвил, царь!

— Конечно, — ответил царь птиц. — Я никогда не ошибаюсь. А кроме того, вы ведь знаете, что моя милость к вам безгранична; я вас трогал только тогда, когда мне очень хотелось есть. Вот и теперь я показываю вам путь к спасению. Давайте только решим, кто возьмётся принести эту крупинку огня.

Маленькие пичужки восторженно запищали:

— Тебе, государь, и надо это делать. Ты царь, властелин воздуха, только ты один долетишь до неба.

Орёл с жалостью посмотрел на них.

— Ну можно ли нести такой вздор? — проклекотал он. — Разве может мир остаться без власти?

— Кто же тогда? — вмешался ворон. — Я бы с удовольствием пожертвовал собой, да кости ноют. Такое дело уже не по мне.

И большие птицы, окружив со всех сторон маленьких пичужек, сразу же по всей справедливости доказали, что лететь не могут. Одни оказались немощными, а без других птичьему роду здесь, на земле, нельзя было обойтись.

Выслушал всё это царь птиц и мудро, как всегда, произнёс:

— Итак, вот наша воля: отправиться за огнём должна одна из маленьких шустрых птичек.

Из грозных клювов раздалось одобрителное карканье. Большие птицы захлопали крыльями, словно аплодируя, а пичужки-певцы, сбившись в кучку в дупле, боязливо смотрели своими глазками-бусинками.

— Раз уж на вашу долю выпала такая честь,— продолжал между тем орёл,— решайтесь! Если вы не принесёте частицу огня, мы все погибнем. А виноваты будете вы, и вам придётся держать ответ перед господом богом на страшном суде.

— Великий царь,— робко возразил зяблик,— слёнок у нас не хватит: мы только и умеем, что петь.

— Слышишь, государь, какая дерзость и неблагодарность? Никакой любви к своему роду! — возмущённо закаркали большие птицы.— Подумать только, какое неуважение, какая трусость!

Сильнее всего подействовали эти слова на самую маленькую, самую робкую птаху — щегла. Он боязливо вышел вперёд:

— Не сердитесь. Раз уж это нужно, и всё равно мы иначе умрём, я полечу.

Все были довольны, хотя и не поверили ему. А щегол сразу же пустился в путь. Церковь, и сборище птиц, и наша деревня остались посреди белого ледяного поля, а он махал крылышками, устремляясь к ясному небу. Так он летел, полный отваги и решимости, пока не приблизился к солнцу, похожему на вихрь. Белой метелью кипела перед ним слепящая печь, и он сам казался крупинкой копоты от этого огня. Последним усилием рванулся щегол к источнику вечного огня и схватил клювом маленький лучик.

Почти ослеплённый, с подпалёнными крыльями, едва дыша, свалился щегол прямо на землю, чуть живой, но с солнечным светом в клюве.

Собравшиеся внизу птицы сразу почувствовали какое-то приятное тёплое дуновение. Луч солнца, принесённый их посланником, разгорался, и снег стал таять и исчезать. Скоро с шумом побежал пенящийся поток и показались островки травы. Когда щегол упал на землю, первые цветы подняли белые чашечки из засохших листьев, посылая ему свой привет.

Под лучом солнца сборище птиц очень развеселилось. Царь и его могучие друзья даже проронили несколько слов, взмахнув кончиками крыльев. Они дали понять, что одобряют маленького певца, и под лучами весеннего солнца разлетелись по своим гнёздам.

Однако, пролетая мимо щегла, сорока заметила наготу и неприглядность героя и зло рассмеялась. Её смех развеселил других. Весело и бодро они продолжали свой путь. Но мелкие пташки не покинули щегла и всячески пытались его утешить.

После долгого размышления птица дубонос подняла палец, шикнула на всех и объявила:

— Братья и сёстры! Соберёмся все и оденем беднягу! Грех оставлять его голым.

— Оденем, оденем его! — зачирикали все птицы. — И прославим его за подвиг!

Щебеча и прыгая, певцы торжественно повели щегла в ближнюю рощицу. Там все сложились по пёрышку и сшили бедному товарищу разноцветную одежду. Растерянный, с бьющимся сердечком, подчинился он им. С тех пор у щегла странное одеяние: пурпурная шапочка, а сюртук из лоскутков. Может быть, поэтому он остался таким стыдливым и скромным. Человек редко увидит его в весенние дни, а ведь это именно он принёс в своём клюве на землю солнце.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУДЕСНАЯ ДУБРАВА. <i>Перевод М. Фридмана</i> . . .	3
МАРТ. <i>Перевод А. Старостина</i>	40
УПРЯМЫЙ ЯНОШ. <i>Перевод Т. Габбе</i>	47
ВИТЯЗЬ МЭЗЭРЯН. <i>Перевод Т. Габбе</i>	55
ЩЕГОЛ. <i>Перевод А. Старостина</i>	60

Д Л Я Н А Ч А Л Ь Н О Й Ш К О Л Ы

Михаил Садовяну

ЧУДЕСНАЯ ДУБРАВА

С к а з к и

Ответственный редактор *Г. В. Языкова*. Художественный редактор *Н. И. Комарова*.
Технический редактор *Э. М. Кузьмина*. Корректоры *К. И. Каревская* и *Э. Л. Лофен-
фельд*. Сдано в набор 14/V 1966 г. Подписано к печати 21/VI 1966 г. Формат 60×84^{1/16}.
4 печ. л. 3,73 усл. печ. л. (2,79 уч.-изд. л.). Тираж 75 000 экз. ТП 1966 № 479. Цена
10 коп. на бум. № 1. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский
пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 4222.

Цена 10 коп.